

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199
УДК 821.161.1

**«Не хотел признавать специфического характера
эпохи рубежа веков»:
Неопубликованные заметки Леонида Долгополова
об Иване Бунине**

© 2020, В.Э. Молодяков

Аннотация: Исследователь русского модернизма Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) посвятил Ивану Бунину лишь несколько статей, но они стали важной вехой в осмыслении его жизни и творчества в 1970-е годы. Незданные материалы архива ученого, хранившегося у публикатора и переданного в 2019 г. в дар Рукописному отделу Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), содержат его заметки о Бунине, которые существенно дополняют опубликованные работы. Применяя тыняновскую формулу «архаисты и новаторы», Долгополов характеризовал Бунина как «человека девятнадцатого столетия», которому принципиально осталась чуждой вся литература XX века, причем не только модернистская. С неприятием и отторжением новой литературы и ее проблематики связано отношение Бунина к русской революции, которую он не ожидал и которую воспринял как стихийный бунт, а не как глобальный социальный сдвиг. Долгополов также описал экспериментальный характер повести «Дело корнета Елагина» (1925), полемизируя с трактовкой О. Михайлова. Долгополов отметил влияние на эту повесть Достоевского — автора, который был органически чужд Бунину, — и предположил, что по этой причине ее художественные находки не получили дальнейшего развития в творчестве писателя.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Л.К. Долгополов, история литературоведения, модернизм, революция

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, д. полит. н., профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Цитирование: *Молодяков В.Э.* «Не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа веков»: Неопубликованные заметки Леонида Долгополова об Иване Бунине // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 182–199. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199

Для исследователя русского символизма и литературы рубежа веков Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995) Иван Бунин не был «вечным спутником», как Александр Блок или Андрей Белый. Однако в первой половине 1970-х гг. ученый много размышлял над творчеством Бунина, особенно эмигрантского периода, и над новыми материалами, введенными в научный оборот в 84-м, «бунинском» томе «Литературного наследства» (1973). Итогом этих штудий стали статьи «О некоторых особенностях реализма позднего Бунина»¹ и «Судьба Бунина»². Автор включил их в сборник «На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков» (1977; 1985). По порядку сначала шла вторая статья как обобщающая (С. 261–318), затем — первая, в существенно переработанном виде под заглавием «Рассказ “Чистый понедельник” в системе творчества И. Бунина эмигрантского периода», как рассматривающая частный случай (С. 319–343).

Эти работы хорошо известны и в пересказе не нуждаются. Однако неопубликованные материалы архива ученого, хранившегося у публикатора и переданного в 2019 г. в дар Рукописному отделу Института русской литературы РАН, где образован личный фонд 951 (Л.К. Долгополов), позволяют дополнить сказанное в статьях и заглянуть в творческую лабораторию исследователя. Корпус архивных материалов Долгополова, посвященных другим авторам, опубликован³. Ниже впервые публикуются рукописные заметки о Буине, отложившиеся в архиве в отдельной папке.

В Буине Долгополова особенно интересовало его отношение к модернизму, прежде всего символизму. Почему выдающийся новатор в области прозы, получивший признание в этом качестве сначала за границей (наиболее новаторские произведения созданы Буниным в эмиграции), а потом на родине, до конца жизни с демонстративной неприязнью относился к русской литературе своего и следующего поколений, в которых господствовали именно новаторы — симво-

¹ Долгополов Л.К. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина. (Опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник») // Русская литература. 1973. № 2. С. 93–109.

² Долгополов Л.К. Судьба Бунина // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 90–125.

³ Долгополов Л.К. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное / Сост., вступ. статья, публ. и примеч. В.Э. Молодякова. М.; СПб., 2019; Молодяков В.Э. «Айсберг, большая часть которого скрыта под водой»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове и его исследователях // Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 165–184; Молодяков В.Э. «Брюсов явил собой новый для русской литературы тип лирического поэта»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове // Брюсовские чтения 2018 года. Ереван, 2019. С. 456–464; Леонид Долгополов. Неосуществленные замыслы // «Сложная целостность» литературы. Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М., 2019. С. 472–480.

листы и модернисты? В чем причина демонстративного «архаизма» заявлений Бунина, причем делавшихся не в частном порядке, а публично и неоднократно? Наконец — если абстрагироваться от сугубо личных мотивов, в чем причина особой неприязни Бунина к современной ему русской поэзии?

К анализу произведений Бунина — сначала поэзии (в этом он следовал за О.Н. Михайловым), затем творчества в целом — Долгополов применял тыняновскую формулу «архаисты и новаторы». Наиболее ранний текст, где использованы эти определения, можно датировать 1966 г. по упоминанию в нем выпущенного «в самое недавнее время» первого тома (1965) девятитомного собрания сочинений Бунина. Это лишь начало статьи — не академической, а популярной, — оставшейся ненаписанной, но вопрос поставлен и подход автора к анализу творчества героя уже намечен.

Архаист или новатор? Заметки о поэзии Бунина

В том, что лирика Бунина — явление своеобразное, сомневаться не приходится. Она резко отличается от стихотворных опытов современников Бунина — такое впечатление остается у каждого, кто хоть раз раскрывал книжку его стихов. Нельзя сказать, чтобы это было «неповторимое своеобразие», как мы часто пишем о поэтах первой величины. Но что-то есть в размеренных бунинских строчках, лишенных неожиданных образов, броских сравнений и непривычных сочетаний, что вводит нас в атмосферу, насыщенную своим особым ароматом, своими особыми настроениями. Стихи Бунина не оставляют человека равнодушным. «Одиночество», «Песня» («Я простая девка на баштане...») и некоторые другие, прочитанные только раз, остаются в памяти на всю жизнь.

Вместе с тем не приходится сомневаться и в том, что роль Бунина в развитии русской поэзии 1900-х и 1910-х годов минимальна, о влиянии же его на поэтическое творчество современников и говорить не приходится. Бальмонт, Брюсов, Блок, Маяковский прошли мимо Бунина. И не потому, что символистские пристрастия первых и футуристические увлечения последнего уводили их от реализма. Мимо Бунина прошел и Есенин — поэт, который, казалось бы, должен был испытать его воздействие. Никак не соприкоснулись с Буниным и поэты 1910-х годов (Ахматова, Гумилев, Цветаева, Мандельштам). Не отличалась благосклонностью к Бунину-поэту и критика, в том числе критика, противостоявшая модернистским течениям. Горький,

например, ценя поэтический дар Бунина, сравнивал его стихи с конфетами «от Флея или Абрикосова».

Такое положение озадачивает. Поэт явно одаренный и высококультурный, с большим вкусом, целой головой возвышавшийся над армией эпигонов, не был замечен и оценен ни современниками, ни поэтами последующих поколений и не оказал в силу этого — заметного, во всяком случае — воздействия на развитие поэтического творчества.

Почему?

Ответа на этот вопрос мы не имеем до сих пор, несмотря на то, что стихи Бунина у нас переиздаются, сопровождаемые соответствующими предисловиями и послесловиями. В 1956 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел однотомник стихотворений Бунина. Сборник открывает статья А. Тарасенкова, в которой чуть ли не на каждой странице говорится о том, что Бунин «оставался верен заветам реализма», что он продолжал в своих стихах развивать «реалистические традиции» и «заветы русской классической поэзии». Но что это были за традиции и как они развивались Буниным — об этом в статье не сказано ни слова. Каждая эпоха по-своему переосмысливает традиции прошлого. Одной «верности» заветам еще недостаточно, чтобы стать поэтом своего времени. От исследователя требуется показать, как, оставаясь верным заветам и традициям, поэт создает свой мир и как этот мир соотносится с эпохой, в которую он живет.

В самое недавнее время вышел в свет первый том нового собрания сочинений Бунина, целиком отведенный под поэзию. В нем представлены стихотворения Бунина от самых первых вплоть до 1917 года. В лучших своих образцах произведения этого периода уже знакомы нам. В томе помещено предваряющее примечания послесловие О. Михайлова, в котором снова предпринята попытка понять исторический и эстетический смысл стихотворного наследия Бунина. На этот раз мы имеем дело с гораздо более квалифицированной работой, изобилующей тонкими наблюдениями и интересными мыслями. Небольшое по объему, послесловие это ставит многие важные вопросы поэтического развития рубежа двух эпох. Впервые, еще очень робко, здесь предпринята даже попытка сопоставить лирику Бунина с поэтическим творчеством его современников. Автор находит общее между Буниным и Анной Ахматовой — в их общем тяготении к классическим формам (О. Михайлов употребляет малоудачный, на мой взгляд, термин «неоклассицизм»), которое, по его мнению, явилось «своего рода реакцией на символизм» ([Бунин

И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. М., 1965.] С. 518). Аргументация очень шаткая, ибо отношение к тому или иному течению ни в малейшей мере не может служить показателем общности поэтических интересов; к тому же Бунин и Ахматова даже в их отношении к символизму — явления совершенно разного порядка. Но, несмотря на шаткость такого сопоставления, само по себе стремление ввести в разговор о Бунине сопутствующие ему (хотя и противостоящие) явления литературной жизни должно получить безоговорочную поддержку. Бунин-поэт может быть понят только в соотношении с поэзией его времени, с живым и реальным процессом литературного развития конца XIX — начала XX веков. По этому пути идет О. Михайлов.

Бунин-поэт для него одновременно и архаист, и новатор. Он так и пишет: «Поэзия Бунина, этого архаиста-новатора, верного литературным традициям XIX века и вместе с тем шагнувшего вперед в освоении новых художественных средств, являет нам пример движения русской лирики в ее коренных, национальных основах» ([Там же.] С. 503).

Всё это, может быть, и верно, только не совсем понятно: хорошо это или плохо быть одновременно и архаистом, и новатором? И как может поэт-архаист быть примером движения лирики в ее национальных основах? Национальная основа есть понятие историческое (как и сама нация). Она складывается и эволюционирует во времени. Пристрастие к архаическим формам, наоборот, отрицает всякую изменчивость явления во времени. Следовательно, либо архаист, либо пример движения лирики в ее национальных основах. Либо архаист, либо новатор. А всякая попытка сконструировать среднюю величину неизбежно приведет в конечном счете к нарушению логики историко-литературного процесса.

Кем же был Бунин в своей лирике — архаистом или новатором?

Итогом размышлений ученого стала статья «Судьба Бунина», первоначально предложенная в журнал «Русская литература», который отверг ее на основании отзыва Н.И. Пруцкова: «...сделана интересно, содержательно, оригинально... Но она не подходит к научному историко-литературному журналу, т. к.: 1. Обширна. 2. Исследовательское начало не является, как правило, основой работы. 3. Преобладает начало другое; предположения, представления, субъективное восприятие и проч. элементы чисто литературного арсенала».

ла». «Тамошние кретины, — писал Долгополов 18 февраля 1975 г. своей доброй знакомой И.Г. Панченко, — обвинили меня в том, что я создаю не научный, а литературный образ Бунина. Дураки — именно за это меня и надо печатать. <...> В мою задачу входило дать свое, личное, глубочайшим образом субъективное восприятие личности Бунина. Автор здесь (в задаче) гораздо важнее писателя. <...> Всё это прекрасно поняли ребята из “Воплей”, поэтому они и дали мне (мне, а не Бунину, он тут решающей роли не играет) — 2,5 печатных листа. У них появился интересный автор». За этим следовало важное признание: «Я о Бунине писал — о себе писал, о Блоке книжку писал — тоже о себе писал»⁴.

Параллельно с «Судьбой Бунина» или в процессе работы над ней Долгополов задумывал статью «“Архаист” или “новатор”? (Заметки о творчестве И.А. Бунина, преимущественно позднего периода)», на сей раз посвященную прозе, а не поэзии. Сохранившиеся материалы к ней (11 пронумерованных рукописных страниц под общим заглавием «Заметки о Бунине»), изредка перекликаясь с текстом «Судьбы Бунина», содержат много нового.

Заметки о Бунине

Бунин делает совершенно невероятную вещь и добивается блестящего успеха: в старинных дедовских помещичьих усадьбах действуют и влюбляются совершенно откровенно и с пряной эротикой люди двадцатого века, эпохи модернизма и потерянного поколения, и это сочетание, невозможное «в действительности», нам кажется, когда мы читаем «Темные аллеи», вполне возможным, допустимым и реальным. В чем тут дело? Как ему удастся объединить старинный помещичий быт и откровенность нравов двадцатого века? (См., например, прекрасное описание помещичьего дома в «Натали».)

В «Натали» — действие в русской помещичьей усадьбе, но герой «похож на грузина» (слова Сони), красив «грузинской красотой» (сам о себе), хотя одет в красную косоворотку — это же южанин, кавказец. Там же он лежит «на турецком диване». Описание воображаемого купания Сони в реке — верх совершенства, но это же и тупик.

К такой стилистической отточенности, к такому совершенству детали писатель приходит, когда ничего другого, кроме этой детали и этой отточенности, у него не остается. Это изумительно, если смотреть на описание купания (воображаемого!) «вне времени

⁴ Обе цитаты: Долгополов Л. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное. С. 14.

и пространства», но это страшно, если вспомнить, что написано это в первой трети двадцатого века [так! рассказ написан весной 1941 г. — *В.М.*], после опустошительных двух войн, страшных лет революции, написано писателем-изгнанником, навсегда отрезанным от родины, живущим на чужбине, в чуждой среде, почти «на чемоданах» и лишь в воображении могущем воскресить картины прошлого. Каким могучим и тонким было это воображение, но и как страшна, как глубока была его писательская трагедия. Но само описание голубовато-мелового тела с углами рук и ног — едва ли не самые совершенные строки в русской прозе.

С демонстративной яростью Бунин отводит в сторону и войну, и революцию, и свое изгнание, как будто бы ничего этого не было, и вот эта-то ярость и делает его изумительным стилистом, приводит его к чисто художественному совершенству.

Рассказ «Речной трактир» (1943) — близок к «Чистому понедельнику» (двойственность Руси — Европа-Азия, быт предреволюционной России (Брюсов с поклонницей)).

И все любовные истории достигают своего апогея или завязываются в сопровождении природной стихии — грозы («Натали»), метели («Таня», «Кума», «Генрих»), дождя — ливневого, стеной воды. И как и почему Бунин не понял Блока? Они же близкие по духу люди и одинаково смотрели на Россию.

«Княжески-мужицкий» огромный барин — вот почему не понял Бунин Блока — для Блока было *две* России (народ и интеллигенция), для Бунина — *одна* (княжески-мужицкая, крестьянски-дворянская). Поэтому для Бунина революция была неожиданностью, для Блока — нет. Один ждал и предчувствовал ее, другой и не предполагал, что она может произойти.

Заглавие статьи: «Архаист или «новатор»? (Заметки о творчестве И.А. Бунина, преимущественно позднего периода).

Жена сельского старосты Лавра, Анфиса («Дубки») «схожа скорее с испанкой, чем с простою русскою дворовой» — то же, что и в «Чистом понедельнике», причем речь идет о крепостном праве. У Анфисы — «кастильские очи» — Господи! У нее — «смоляная головка, сделавшая бы честь любой светской красавице». И здесь

тоже метель, буран, снег и на этом фоне — страсть, любовь. И Лавр хорош — столь же страстен, стихийно-буен.

И еще. Природа принимает активное участие в делах людей, они многое в своей жизни запоминают по состоянию природы («Холодная осень»).

«Дело корнета Елагина».

Как будто бы от автора: «Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем обычной любви даже как бы избегать брака?»

Рассказчик в этой повести удивительно напоминает рассказчика Достоевского. Совершенно необычная для Бунина повесть — *попытка* овладеть новым психологическим типом человека, типом именно XX века, который был «предсказан» еще Достоевским и в котором разом совмещаются противоположные чувства и качества души, противоположные ощущения и желания (любовь — ненависть, невинность — порочность, высота душевных стремлений и низменный характер их осуществления). И, как всегда у Бунина, главной пружиной действия выступает женщина. Он, мужчина, только подчиняется ей, выполняет ее волю. То же соотношение сохранено и в других рассказах, и в «Темных аллеях».

«Дело корнета Елагина» — повесть переходная, экспериментальная. Бунин как бы примеривается к новой теме, к новому человеческому типу, душевный мир которого соткан из одних только противоречий. В нем нет ничего определенного, ничего устойчивого. Зыбкость, мерцание настроений, психологических состояний, любовных «увлечений» Сосновской — вот главное, что подвергает Бунин здесь художественному анализу. И *в этом отношении* он выступает в повести учеником и последователем Достоевского. Он пытается овладеть новой темой. И он отказывается от нее. Никогда в дальнейшем он уже не вернется ни к такого рода героям, ни к такого рода типу повествования. Возможно, что он ощутил слишком большую зависимость от Достоевского, который как писатель был чужд ему органически. А возможно и другое — перевесил взгляд на человека как на некую цельность, не как на единство противоположностей, а как на единство некоторой внутренней однородности.

Поэтому-то повесть «Дело корнета Елагина» и стоит особняком в ряду других произведений позднего Бунина. Место ее — исключительное. Бунин испробовал свои возможности *и с этой стороны*, но с тем, чтобы уже отказаться от нее навсегда. (См. ничего не понявшие

го в этой повести О. Михайлова. ([*Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т.] Т. 5. С. 504).

Обратить особое внимание на противоречия в оценке позднего Бунина, которые встречаются на каждом шагу в примечаниях О. Михайлова к 5-му и 6-му томам собрания сочинений Бунина. Аморфность мысли — вот главное качество этих примечаний. В связи с «Косцами» — лирическая белиберда вместо четкого анализа, которого требует этот четкий в своей идейной конструкции рассказ.

Бунин не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа 19–20 веков. Он не увидел в ней ничего нового, особого, своего. Он не увидел ее катастрофичности, ее *чреватости* взрывами и ее обреченности. И он вступил в борьбу не с символистами только и даже не с модернизмом вообще, как это утверждают все пишущие о Бунине. Он вступил в борьбу с представлением об эпохе рубежа веков как эпохе переходной, трагической, чреватой взрывами и социальными потрясениями, как эпохе обреченной. Это было единоборство, из которого Бунин не вышел победителем, хотя позицию свою, свой взгляд он отстаивал до последних дней. Ведь само появление символизма и поэтов символистской ориентации было симптомом — Бунин не захотел ни признавать его, ни придавать ему значения (вернее, он придал ему значение, но только как симптому упадка). Поэтому, когда Брюсов утверждал, что высказывания Бунина о современной литературе имеют *здоровый* характер и свидетельствуют лишь «о полном незнакомстве (Бунина) с задачами литературы вообще и с развитием русской литературы за последнее время» (ЛН. [Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. М., 1973. Кн.] 1. С. 323), он *не был* прав. У Бунина *свое* представление о литературе вообще и о русской литературе рубежа веков в частности. Оно имело характер долженствования, и поэтому *многое* в него не входило — вот и всё. Оплошность Бунина заключалась лишь в том, что своим частным воззрениям он придал *универсальный характер*. И он же по праву заслужил насмешки и упреки в непонимании.

Но, вместе с тем, в художественных произведениях он был совсем другим, часто совпадал с символистами (см. ЛН. 1. С. 372 — народ и интеллигенция, совсем по Блоку).

Он был очень здоровый человек, но *в творчестве* эпоха захватила и его.

Чехов и Толстой были для Бунина, помимо высоты и значительности их нравственных исканий, еще и свидетельством того, что

никаких потрясений социального плана Россия не ожидает. Они прямо связывали 20-й век с 19-м. Всё же, что не имело в глазах Бунина этой *прямой, непосредственной, зримой* и, добавлю в скобках, *легко воспринимаемой* связи, было наносным, вульгарным, неорганическим, излишним. Назвать в 1912 г. «последние пятнадцать лет в истории поэзии» «пустым местом» мог или только человек глухой к искусству, или крайне озлобленный, или, наконец, располагающий собственной исторической схемой, собственным представлением об эпохе и ощущением ее, в которые эти пятнадцать лет не укладывались по своему характеру.

Его удивляет, что о модернизме так много говорят! — ЛН. 1. С. 376.

И только когда началась мировая война, он почувствовал, что «в мире происходит огромное событие» (ЛН. 1. С. 378). А ведь до этого была революция!

ЛН. 1. С. 383–384: беспричинность и бесцельность человеческого существования на земле.

Психологически Бунин был подготовлен к «Жизни Арсеньева» тут же по приезде за границу.

В связи с чтением отрывков «Книги моей жизни» (ЛН. 1. С. 384–385): Если Степун прав и у Бунина не *воспоминания, а память* (т.е. то, с чем живут постоянно, чем живут постоянно), то «Жизнь Арсеньева» начата была именно в 1921 году — начата неосознанно, исподволь, психологически, как воскрешение памяти.

В связи с интервью Бунина 1912 г., в котором он заявил: «Русская поэзия остановилась в своем развитии на Фете, на Ал. Толстом. А последние пятнадцать лет представляют пустое место», — Долгополов писал в «Судьбе Бунина»: «Он идет даже на то, что выдвигает в качестве некоего рубежа А.К. Толстого (что очень сомнительно), ставя его в один ряд с Фетом (что вряд ли допустимо)»⁵. О причинах внимания Бунина к Толстому он рассуждал в отдельной заметке:

---

⁵ Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков. Л., 1985. С. 266–267.

< * * * >

Почему он выделил А.К. Толстого как период в истории русской поэзии? Не только потому, что он механически объединяет его с Фетом, но, видимо, также и потому, что чувствовал внутреннее родство с кругом тех переживаний, которые были характерны для А.К. Толстого и о которых исследователь его творчества И.Ямпольский пишет: «Поэт, подобно многим своим современникам — Фету, Льву Толстому, все чаще противопоставлял актуальным социально-политическим вопросам и вообще истории вечные начала стихийной жизни природы» (Ямпольский И. А.К. Толстой — в его кн.: Середина века. Очерки русской поэзии 1840–1870-х гг. Л., 1974. С. 105–106⁶). Но как это характерно и для Бунина! И. Ямпольский приводит в доказательство выдержки из письма А.К. Толстого к Маркевичу, под которым мог бы подписаться Иван Алексеевич: «Зажглись огоньки в деревне, которую видно по ту сторону озера. Все это — хорошо, это я люблю, я мог бы так прожить всю жизнь... Черт побери и Наполеона III и даже Наполеона I! Если Париж стоит обедни, то Красный Рог со своими лесами и медведями стоит всех Наполеонов... Я бы легко согласился не знать о том, что творится в нашем *seculum*⁷... Остается истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какой моды, ни от какого веяния — и вот этому-то я всецело отдаюсь» (Ямпольский И. А.К. Толстой. С. 106).

Несколько заметок посвящены отношению Бунина к революции.

< * * * >

1905-й год поразил Бунина полной *неожиданностью* — вот те раз! См. В.Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. [Париж, 1958.] С. 162. Так же поразил его 17-й год — *внезапностью*, неожиданно-стью (см. «Несрочная весна» — внезапно и быстро).

Художническое, реализовавшееся в творчестве, как-то удивительно прочно и основательно было отделено у Бунина от просто *человеческого*, реализовавшегося в быту, во взаимоотношениях с людьми, в отношении к событиям. Это были две сферы, никак друг

---

⁶ Экземпляр с инскриптом автора сохранился в библиотеке Долгополова (собрание В.Э. Молодякова).

⁷ Мир, общество (*лат.*).

с другом не соприкасавшиеся, но составлявшие в совокупности нечто единое, наподобие подводной лодки, с ее отсеками, отделенными друг от друга прочными перегородками, но составляющими вместе единый и могучий «организм», со всей необходимой взаимной связью частей. (Очень плоско решает эту проблему А. Нинов — см. [Бунин и Горький //] ЛН. [Т. 84: Иван Бунин. М., 1973. Кн.] 2. С. 21).

Революция для Бунина — лишь бунт (август 1917: «Сбывается и подтверждается то, что я уже давно мыслил о святой Руси», — ЛН. I. С. 55). Он не ожидал, не был готов к тому, что произошло в 17-м году.

Бунин — человек девятнадцатого века, волею судеб заброшенный в двадцатое столетие, которого он не понял, а, не поняв, не принял. Ему были одинаково чужды все в двадцатом веке — и Блок, и Горький. Самыми же близкими людьми ему были Чехов и Толстой — люди прошлого столетия, также мало связанные с двадцатым веком, не знавшие и не чувствовавшие его специфики, его исторического трагизма, его *поворотной* роли в истории европейского континента.

Особенно близок Бунину был Чехов — это очень показательно. Собственно, из всех *современников* он был единственным человеком, которого Бунин принимал целиком, и он был таким для Бунина до самой его смерти в 1953 году! — это ли не поразительно! Отсюда видно, до чего чужим должен был чувствовать себя Бунин в двадцатом веке, в котором ничего *чеховского* уже не осталось и остаться не могло.

Бунина в революции испугал не глубинный смысл происходящего социального сдвига (он об этом совсем не думал), а резкое изменение внешних форм жизни, привычных, устоявшихся, укладывавшихся в течение веков и в силу этого казавшихся неколебимыми. Они очень быстро («в пять лет», говорится в очерке «Несрочная весна») слетели, превратились в прах. Это-то и ужаснуло Бунина.

«Старичок поднялся мне навстречу на растоптанных, трясущихся ногах и сказал нечто странное теперь для слуха: «Имею честь кланяться!» — рассказ «Серп и молот» [«Под серпом и молотом» — В.М.]. Собрание сочинений. Т. IX. Берлин, 1935. С. 207). Этот «старичок» говорит: «Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Так и Россия: вся наша история — шаг вперед, два назад, к своему исконному — к дикому мужичеству, к разбитому корыту, к лыковому лаптю» (С. 207).

Очерк «Серп и молот» ставил задачей показать запустение России после революции — и не получилось, потому что лирическое

«я» возобладало. Не получилось страшного. Все-таки художник Бунин был, а не публицист, не боец, не политик.

Вывод: Неприятие революции непосредственно вытекает у Бунина из общего и принципиального неприятия им всего того, что происходило в России (в русской жизни — и общественной, и культурной) на рубеже веков. Поэтому так странно и нелепо сложилась его судьба — судьба писателя, который по праву считается одним из самых крупных и значительных прозаиков XX века.

На статью о «Чистом понедельник» в «Русской литературе» Долгополов сослался в заявлении, которое 24 ноября 1973 г. подал в секцию критики Ленинградского отделения Союза писателей (на тот момент он был членом группкома писателей при Литературном фонде); публикуется по машинописной копии.

< * * * >

Прошу секцию критики ЛО Союза писателей оказать мне содействие в издании книги избранной прозы И.А. Бунина: «Иван Бунин. Рассказы и повести», составление статьи и примечания. В настоящее время я занимаюсь изучением творчества И.Бунина, мною опубликована статья, посвященная проблемам позднего периода его творчества (см. «Русская литература», 1973, № 2). Кроме того, появление в последнее время новых важных материалов, касающихся жизни и творчества И. Бунина (например, две книги «Литературного наследия», т. 84, изд. «Наука», 1973), новых исследований, посвященных как самому И. Бунину, так и взаимоотношению его с современниками, позволило бы в более широкой исторической перспективе поставить вопрос о характере реалистического метода И. Бунина, о его месте в литературном развитии двадцатого века. Использование и широкое введение в научный и читательский оборот всех этих материалов — первостепенная задача исследователей русской литературы двадцатого столетия.

Вместе с тем, вынужденный два года назад оставить службу в Пушкинском доме, я оказался в затруднительном положении и в смысле возможности публикации, и просто в смысле заработка. Имея лишь лекционную работу с почасовой оплатой, я не в состоянии обеспечить себе сносного существования. Литературой же конца

XIX — начала XX веков я занимаюсь давно, так что известный опыт мне здесь удалось накопить.

Произведения И. Бунина в ленинградских издательствах, насколько мне известно, не издавались.

Издание не осуществилось и других материалов, связанных с ним, в архиве не сохранилось. Однако Долгополов сохранил отклик заинтересованного и квалифицированного читателя на статью о «Чистом понедельнике» — письмо Николая Пантелеймоновича Розина (1929–2013), сотрудника редакции литературы и языка издательства «Советская энциклопедия», который «вел» его статью «Символизм» в «Краткой литературной энциклопедии». Некоторые его замечания автор учел при дальнейшей работе над текстом.

Дорогой Леонид Константинович!

Спасибо за добрую память о «муках рождения» «Символизма» и за оттиск, созвучный моим размышлениям. Я, как всегда, задержался с ответом и, как всегда, тому нашлись причины: уборка картошки на подмосковных полях, желание перечесть Бунина, трудности со статьями (подряд идут «Футуризм», «Фрейдизм», Фома Аквинский, С.Л.Франк). Оправдываюсь, чтобы Вы мое длительное молчание не приняли бы за невнимание или даже — за равнодушие.

Я благодарен Вам, что Ваша статья заставила меня перечитать «Чистый понедельник» — и он стал для меня источником утешения и вновь возникающей тоски, а еще — и живым доводом в современных нравственных и исторических распрях (конечно же, не в прессе!).

Пожалуй, я согласен с Вашей трактовкой историософского подтекста «Чистого понедельника» — двойственность лика России и глубинная вероятность третьего пути — религиозного. Мне импонирует Ваш акцент на мысли Бунина о «предреволюционной сумятице», разнудавшей *стихию* страстей. Это близко к мысли Бердяева о том, что русскому художественному (да и вообще культурному и интеллигентскому) обществу, всему духовному движению тех лет было почти чуждо строгое этическое и социальное начало. И здесь немалая «заслуга» символистов, славивших надвигавшуюся грозу преимущественно с *эстетических* позиций. «Подлили масла в огонь» символисты, подлили (в том числе, а может быть и особенно, А. Блок: «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу!»). Вероятно, Вы со мной не согласитесь. Я вспоминаю, как Вы возра-

жали на концовку одного из бесчисленных вариантов «Символизма», где содержался упрек символистам за невнимание (и даже отсутствие!) к нравственным критериям (глубоким, конечно: в смысле Достоевского!) в оценке «разверзающихся» стихийно-исторических событий.

Впрочем — это мимоходом. Принимая главную идею (и пафос) статьи, хотелось бы оспорить ряд ее частных положений и аргументаций, быть может, невольных, идущих от увлечения первооткрывателя или от жажды всё сразу прояснить (детерминировать). Кое-что я приведу, просто чтобы засвидетельствовать Вам старательность и вдумчивость, с которыми я читал Вашу статью. К примеру: сосредоточенность Бунина на теме любви в эмиграции объясняется («Так возникает и становится...», стр. 105⁸) сознательным и бессознательным забвением социально неприглядного и кричащего. Может быть, *отчасти* и так. Но не кажется ли Вам, что, пережив и осмыслив все ужасы социальных кошмаров и бед, все крахи «социальных» новаторств (и там, и тут), Бунин потому и заострил свое внимание именно на любви как *высшей* ценности (критерии, точке отсчета, идеале, смысле) жизни. (Правда, в «Чистом понедельник» выше — религиозное начало). Именно через любовь поверяется и душа, и судьба (в конечном итоге) героев.

Или стр. 108–109: «Большая его заслуга в том, что он изображает их (сливки буржуазного общества) уже полностью во власти гнетущей тревоги и ожидания, *ищущих спасения от надвигающихся потрясений, террористических актов и покушений*». Простите, но это — ассоциация исследователя, объемлющего разумом всё творчество Бунина и знающего реалии, стоящие за образами обители и великой княгини; из чтения — самого проникновенного и вдумчивого — рассказа «Чистый понедельник» поиски спасения от революционного вихря («потрясений» и т.д.) не узришь⁹.

Если героиня ищет спасения, то она *непосредственно* тревожится собственных страстей, всегда *грешных* с точки зрения того идеала, который ее влечет (и неслучайно воспоминание о Февронии и дьяволе). А если уж символически истолковывать ее спасение, то вернее Ваши другие догадки, доводы, расшифровки: спасение — не убежание, а выбор, выбор строгий, самоотверженный, выбор начала,

---

⁸ Указаны номера страниц первой публикации. При переиздании статьи автор сократил данный фрагмент и исключил отмеченную Розиным фразу: *Долгополов Л. На рубеже веков. С. 337.*

⁹ При переиздании автор исключил слова «террористических актов и покушений»: *Долгополов Л. На рубеже веков. С. 341.*

быть может, более ценного и весомого, чем *даже* бунинская любовь, — начала религиозного для всей России (а не только «сливок»).

И, прошу прощения, еще скажу об одной частности, слова Качалова о царь-девице, Шамаханской царице у вас воспринимаются как самостоятельный, специально сотворенный образ Бунина. Но не реминесценция ли это из «Сказки о золотом петушке» Пушкина, где трижды дана «формула» «девица, Шамаханская царица»? Что же, и у Пушкина столкновение двух начал?¹⁰

Простите, пожалуйста, за редакторскую привычку «править и ставить вопросы». Да и хотелось показать, что я не просто читал Ваше маленькое исследование, но и думал о нем. Кстати, забыл спросить: Вы убеждены, что в обители герой встретил *именно* героиню? А может, этот когда-то знакомый взгляд — лишь симптом *его* неизлечимой боли и незабывчивости?

Не знаю, благодарил ли я Вас за книгу о поэзии 80–90-х годов¹¹. Конечно, я бы ее нигде не достал.

Знаете ли, что И. Роднянская написала для «Нового мира» рецензию на роман Титова¹²? Полагаю, что интересно: критик она первоклассный, а Лермонтовым последние полгода занимается специально: пишет ряд работ для «Лермонтовской энциклопедии», которую, кстати, издавать будем мы.

Еще раз спасибо за память. Если у Вас в Москве негде будет остановиться Вам или Вашим друзьям — милости прошу. Правда, у меня однокомнатная квартира, но места хватит.

Всего доброго. Розин.

10.XI.73

¹⁰ При переиздании автор дополнил данный фрагмент указанием на Пушкина и рассуждением о разнице между «девицей» и «царь-девицей»: Долгополов Л. На рубеже веков. С. 341.

¹¹ Поэты 1880–1890-х годов / Вступ. ст. и общая ред. Г.А. Бялого; сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. Л.К. Долгополова и Л.А. Николаевой. М.–Л., 1972. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹² Книга Александра Александровича Титова (1921–1978), близкого приятеля Долгополова, «Лето на водах. Повесть о Лермонтове» (Л., 1973) с инскриптом автора сохранилась в библиотеке Долгополова (собрание В.Э. Молодякова). Рец.: Роднянская И. «А душу ль можно рассказать...» // Новый мир. 1974. № 1. С. 254–258.

Литература

Долгополов Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX веков. Л.: Советский писатель, 1985. 352 с.

Долгополов Л.К. Неосуществленные замыслы / Публ. В.Э. Молодякова // «Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 472–480.

Долгополов Л.К. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина. (Опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник») // Русская литература. 1973. № 2. С. 93–109.

Долгополов Л.К. Прогулки с Блоком: Неизданное и несобранное / Публ., сост., вступ. ст. и примеч. В.Э. Молодякова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.

Долгополов Л.К. Судьба Бунина // Вопросы литературы. 1975. № 1. С. 90–125.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1 / Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 551 с.

Молодяков В.Э. «Айсберг, большая часть которого скрыта под водой»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове и его исследователях // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / Ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 165–184.

Молодяков В.Э. «Брюсов явил собой новый для русской литературы тип лирического поэта»: Леонид Долгополов о Валерии Брюсове // Брюсовские чтения 2018 года. Ереван: Лингва, 2019. С. 456–464.

Нинов А.А. Бунин и Горький. 1899–1918 гг. // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 7–65.

Поэты 1880–1890-х годов / Вступ. ст. и общая ред. Г.А. Бялого; сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Л.К. Долгополова и Л.А. Николаевой. М.; Л.: Советский писатель, 1972. 723 с.

References

Dolgopopolov L.K. *Na rubezhe vekov. O russkoi literature kontsa 19 — nachala 20 vekov* [On the centuries' boundary. On Russian literature of the late 19th and early 20th centuries]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 352 p. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. Neosushchestvlennye zamysly [Unfulfilled intentions], publ. V.E. Molodiakov. "*Slozhnaia tselostnost'*" literature: *Issledovaniia i publikatsii. K iubileiu V.A. Keldysha* ["Complex integrity" of literature: Studies and Publication. To the anniversary of V.A. Keldysh]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 472–480. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. O nekotorykh osobennostiakh realizma pozdnego Bunina. (Opyt kommentarii k rasskazu "Chisty i ponedel'nik") [On some features of the realism of Bunin's late works. (Attempt of commentary on the story "Clean Monday")]. *Russkaia literatura*, 1973, no. 2, pp. 93–109. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. *Progulki s Blokom: Neizdannoe i nesobrannoe* [Promenades with Blok: Unpublished and uncollected works], publ., comp., intro. and notes V.E. Molodiakov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

Dolgopopolov L.K. Sud'ba Bunina [The fate of Bunin]. *Voprosy literatury*, 1975, no. 1, pp. 90–125. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Book 1], eds. A.N. Dubovikov, S.A. Makashin, T.G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. “Aisberg, ból’shaia chast’ kotorogo skryta pod vodoi”: Leonid Dolgopolov o Valerii Briusove i ego issledovatelyakh [“Iceberg, most of which is hidden under water”: Leonid Dolgopolov on Valery Bryusov and his researchers]. *Emigrantica et cetera.: K 60-letiiu Olega Korosteleva* [Emigrantica et cetera.: To the 60th anniversary of Oleg Korostelev], eds. E.R. Ponomarev, M. Schrub. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019, pp. 165–184 (In Russ.).

Molodiakov V.E. “Briusov iavil soboi novyi dlia russkoi literatury tip liricheskogo poeta”: Leonid Dolgopolov o Valerii Briusove [“Bryusov personified a type of lyric poet which was new in Russian literature”: Leonid Dolgopolov on Valery Bryusov]. *Briusovskie chteniia 2018 goda* [Bryusov proceedings 2018]. Erevan, Lingva Publ., 2019, pp. 456–464. (In Russ.)

Ninov A.A. Bunin i Gor’kii. 1899–1918 gg. [Bunin and Gorky. 1899–1918]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 7–65. (In Russ.)

Poety 1880–1890-kh godov [Poets of 1880–1890s], intro., ed. G.A. Bialyi, comp., ed. an notes L.K. Dolgopolov and L.A. Nikolaeva. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1972. 723 p. (In Russ.)

“He didn’t want to admit the peculiar nature of two centuries’ boundary period”: Leonid Dolgopolov’s unpublished notes on Ivan Bunin

© 2020, Vassili Molodiakov

Abstract: Russian Modernism scholar Leonid Konstantinovich Dolgopolov (1928–1995) authored only a couple of research articles concerning Ivan Bunin, but these papers were important in the process of Bunin’s interpretation in the 1970s. Dolgopolov’s unpublished notes on Bunin from his archive, preserved by the author and donated to the Pushkin House in 2019, add a lot to his known works. Applying Tynianov’s formula “archaists and innovators”, Dolgopolov described Bunin as a “man of the nineteenth century” totally alien to the twentieth century’s literature, not only modernist one. Bunin’s rejection of contemporary literature and its subjects related to his attitude to Russian revolution, which he did not expect and which he perceived as a spontaneous revolt, not as a global social shift. Also, polemicizing with O. Mikhailov’s interpretation, Dolgopolov defined “Cornet Yelagin’s Case” (1925) as an experimental novel mainly influenced by Dostoevsky, a novelist profoundly alien to Bunin. According to Dolgopolov, it is because of Dostoevsky’s influence that artistic discoveries, made in this novel, were not further developed in the writer’s work.

Keywords: Ivan Bunin, Leonid Dolgopolov, history of literary studies, modernism, revolution

Information about the author: Vassili Molodiakov, Dr Hab, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore68@mail.ru

Citation: Molodiakov Vassili. “He didn’t want to admit the peculiar nature of two centuries’ boundary period”: Leonid Dolgopolov’s unpublished notes on Ivan Bunin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 182–199. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-182-199